

A detailed oil painting of a village street. In the foreground, two children are walking away from the viewer down a dirt path. The child on the left wears a brown jacket and dark pants, while the child on the right wears a red jacket and dark pants. The street is lined with old, wooden houses with red-tiled roofs. In the background, a tall, brick chimney rises into the sky, emitting a large plume of white smoke. The sky is blue with scattered white clouds. The overall style is realistic with a touch of nostalgia.

Игорь Сулыг

Лопанье мыльных пузырей

Игорь Сулыг

Лопанье мыльных пузырей

«Автор»

2026

Сульг И. В.

Лопанье мыльных пузырей / И. В. Сульг — «Автор», 2026

Психологический роман взросления, написанный в лучших традициях жесткого реализма и мемуарной прозы. Эстония, конец 1960-х годов. Десятилетний Артс и его друг Калью оказываются втянуты в опасную криминальную игру с бандой хуторянина Тийта, которая пытается установить контроль над рабочими бараками Бородинской улицы. Пройдя через позор вымогательства, смертельный риск на разрушенной дымовой трубе фабрики и горькие открытия о предательстве близких, главный герой учится стоять на своём до самого конца. Это честный, психологически выверенный рассказ о том, как мелкими шажками, через лопанье детских иллюзий и муки совести, закаляется характер и рождается человек.

© Сульг И. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Вводная. Рождение страха	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Игорь Сульг

Лопанье мыльных пузырей

Глава 1 Вводная. Рождение страха

Сейчас, уже седой и согбенный под бременем
пробитых лет, осознаёшь: лопанье мыльных
пузырей детских иллюзий – это и есть
многогранный процесс подготовки
человека к самостоятельной жизни,
осуществляемый мелкими шажками каждый
день, из года в год, на протяжении всего детства...

(Где-то прочитанная мысль)

Часть 1. Падение

Глава 1. Вводная. Рождение страха

1.

Давно это было, много-много лет назад, сейчас уже всё и не помнишь. Но проникая мыслью в глубину серого вещества, из памяти, как из мохнато-молочного тумана, возникают далёкие образы тех давних лет. И вновь воспалённое воображение рисует перед глазами картины прошлого. Как всё же понять, что с нами случилось? Но тут и понимать ничего не нужно. Ответы на заданные ранее вопросы приходят намного позднее, и с этим надо как-то жить, потому что ничего исправить уже невозможно.

2.

Никак не могу сложить мозаику всплывавших из памяти картин: пустынный каменистый берег; бушующие белые барашки волн, растворявшиеся пеной на прибрежных камнях; пронзительные крики чаек; проплывающий вдалеке у самой кромки моря и неба белый корабль; и я, одинокий ребёнок, смотрящийся в далёкий горизонт. Дети, игравшиеся в стороне, не обращали на меня никакого внимания. Долго не оборачивался на едва слышавшие крики, доносившиеся со стороны светлого дома, пока рука женщины резко не развернула меня лицом к себе: – Артур, ты меня не слышишь? Пошли со мной, к тебе мама приехала.

Радостные причитания какой-то женщины, назвавшейся моей мамой, и её крепкие ежеминутные объятия и поцелуи. Потом короткий полет на самолёте; витиеватые, как плавающие перины, облака в иллюминаторе, остававшиеся внизу под нами; мой внутренний страх, что можем разбиться с такой высоты. И завершающая картинка: я сижу на коленках у новообретённой мамы, её нежные поцелуи в затылок, рядом водитель за баранкой цементовоза, жующий папиросу в зубах и перекидывающий её языком слева направо и обратно, и дымок, улетающий в приоткрытое окно. Эта картинка потому и запомнилась, что я внимательно наблюдал, как облако выпущенного дыма быстро превращалось в тонкую струю: вот оно есть, а через мгновение его уже нет.

Не так ли проходит и наша жизнь

Дальше картины теряются, словно в обволакивающем тумане исчезают призрачные корпусы уходящих в море кораблей.

Но хорошо помню себя с детсадовского возраста. Тяжёлые выходы из сна, когда покидать тёплую постель нет никакой охоты, одеваться с закрытыми глазами, ещё ловя ускользающие причудливые картины, что нам насылает ночь, и идти в морозную стынь к какому-то двухэтажному розовому дому (почему-то названному «детским садом»), рядом с заводским клубом – всё это стоит перед глазами до сих пор. Хотя свой небольшой садик этот детский дневной приют имел. Росли там несколько разноразных яблонь, высокая груша, даже слива и вишня. Был маленький огорожок с грядками щавеля, укропа, морковки, стручкового лука, шикарный куст ревения с толстыми стеблями, и отдельно многоярусная композиция с разными цветами, любовно обставленная известковыми камнями.

Уже в таком младенческом возрасте я воспринимал воспитательниц интуитивно, разделяя их про себя на «хороших» и «плохих». Как давалась эта оценка, сейчас сказать не могу. Наверное, человеку при рождении даётся открытый портал, через который он, как губка, вбирает все звуки, запахи и картины быта с психической энергией от соприкасавшихся с ним людей, безошибочно определяя структуру визави. Но проходит какое-то время, и у человечка, набравшегося достаточно «знаний о мире», портал закрывается. Дальше он сам плывёт по волнам жизни, и сам должен преодолевать бури и шторма, ветра и дожди, палящее солнце и морозное безмолвие.

«Хорошими» воспитателями были почти все, и в основном старшего возраста. Но с одной молодой, крашенными в иссиня-чёрный цвет волосами под каре, отношения не заладились. Чем-то я провинился, но что была за вина – не осталось в памяти, – то ли моя непоседливость, то ли непослушание на замечания воспитателя. Но в итоге я должен был попросить прощения. Такого понятия «просить прощения» в моей голове тогда не было. Не могу сказать, что был упрямым, здесь было что-то другое – скорее, демонстрация несогласия с наказанием. Я молчал, как глубоководная рыба. На что воспитательница при всех детях указала мне на угол:

– Иди, Артур, стой в углу, пока не надумаешь попросить прощения!

Я стоял упорно полдня, уже девочки подходили к воспитательнице и просили за меня. Она оборачивалась ко мне:

– Артур, ты готов разговаривать? – в ответ я только кивал «нет».

– Ну тогда стой дальше.

Девочка Сирье, с которой я дружил, со слезой на глазах умоляла меня:

– Артур, поговори с тетей воспитательницей, пусть она тебе разрешит играть.

– Не буду.

Так из угла меня и забрала домой мама. Почему-то воспитательница не переговорила с мамой о моем поведении и наказании. Возможно, что хотела своими силами, без посторонней помощи, сломить меня. На следующий день, как только переступил порог в игровую комнату, воспитательница поставила перед фактом:

– Если ты не попросишь прощения за вчерашнее, встанешь опять в угол и будешь стоять, пока не созреешь.

Я даже ничего не ответил ей, просто молча направился в угол. С перерывами на завтрак, на обед и тихий час я простоял в углу целый день. Когда ноги уставали, я садился на пол. Мальчики и девочки поочередно подходили ко мне, садились рядом, играли игрушками перед моими глазами, чтоб я не скучал. Я смотрел на них, желая включиться в игру, но каждый раз воспитательница отгоняла их:

– Артур наказан, поэтому с ним играть нельзя. Уходите от него! А ты, – обращалась она уже ко мне, – встань! В углу положено стоять, а не сидеть.

Вечером дома я заявил маме, что больше в детский сад не пойду. На вопрос мамы – почему, ответил, что это – не дом для детей, а дом для наказаний. Слово за слово и мама выудила из меня, что произошло. На второй день она обратилась к заведующей с просьбой разобраться с ситуацией – ребёнок полтора дня простаивает в углу – и это считается воспитанием? Та вызвала воспитательницу. Какой там случился разговор мы с мамой не слышали, так как нас попросили выйти из кабинета. Но в итоге из этой группы меня перевели в уже другую.

Может, у молодой воспитательницы опыта работы с детьми было мало, хотя и я сам, наверное, был не подарок, но сейчас, с житейских высот анализируя тот случай, прихожу к банальному выводу: у неё не хватало чувства терпимости и любви к детям.

С воспитательницей Анной всё было наоборот. Высокая худощавая женщина с неизменной улыбкой на лице осталась в моей памяти весёлой и очень доброй. Она всегда отвечала на наши бесконечные «почему», затевала с нами подвижные игры, водила в походы в заводской парк, помогала собирать упавшие разноцветные листья и нанизывать их в огромную гирлянду, которую после повесили в зале, где проходили детские утренники. А зимой вместе с ней слепили огромную снежную бабу. Она даже не поленилась с кухни припасть длинной и толстой морковкой, которую воткнули носом нашему снежному произведению. Но особо запомнились сеансы с показом диафильмов. Занавешивались окна, в темноте вспыхивал фильмоскоп и лучом направленного света на белой стене возникали картинки с текстами. Тётя Анна рассказывала содержание, прокручивая ленту диафильма, а я заворуженно впитывал каждое её слово.

Не с тех ли времён сидит во мне всеядный киноман, не пропускающий сеансы с новинками кинематографа...

Ее смеющиеся глаза всегда лучились добротой и любовью. Но праздник не может продолжаться вечно: через год тётя Анна переехала с семьёй в другой город. После её отъезда у меня впервые на душе образовалась некая пустота. От неё нельзя было никак избавиться, почему-то чувствовал себя покинутым. Наверное, так разрываются душевные узы. И только мамины руки, перед сном гладившие меня, восстанавливали душевное равновесие.

В этом «нежном» возрасте появились первые друзья. Маргус – холеный белоручка, не желавший пачкать пальцы в песочнице, всегда тянул меня в игры в домике и на лазалках. Сирье – пухляшка с широким лицом, неустанно следовала за мной, приглашая общаться подальше от ребят, играть в папу и маму, что мне в скором времени надоедало.

Уже тогда подсознание делало свой правильный выбор, основываясь на схожести душ или характеров – тут и не поймёшь, почему одних мы отвергаем, а к другим тянемся с неистовой силой. Так меня тянуло к Урве – худенькой девочке с глубокими волнующими глазами, ничего от меня не требовавшей. Ее лучистые глаза с длинными ресницами завораживали и манили мой взгляд. Так случалось, что на дневной сон, в тихий послеобеденный час, наши койки несколько раз оказывались рядом. И помню, засыпали мы, глядя друг на друга и держась под одеялом за руки...

3.

Район, где мы жили, раскинулся, начиная от моста, если встать спиной к морю, справа вверх по реке Кунда. В обиходе он имел своё название – Нижний город. Наверное, потому что географически он был построен в низине, в отличие от Верхнего города, который выстро-

или на возвышенности. Даже улицу, которая расположилась на краю Верхнего города, так и называли: Мäе («Горная» – с эстонского). Наша улица называлась Бóрудина, но местные ребята между собой из-за созвучия слова с названием деревни, где рядом произошла знаменитая битва армий Кутузова и Наполеона, прозвали улицу Бородинó. Словами невозможно объяснить, но была какая-то внутренняя гордость от сопричастности к чему-то великому, когда на вопрос: «ребята, вы откуда?» – отвечали: «мы – из Бородинó».

Улица состояла всего из двух длинных барakov, расположенных друг против друга. В её начале рос огромный раскидистый дуб, через несколько квартир – высокий клён, а ещё одним клёном замыкался конец улицы. На одну из высоких веток дуба привесили канат. Он был неплохим тренажёром по лазанию для мальчишек, в отличие от девочек, которые только качались на нем. За торцом барakov были сараи и огороды. Некоторые хозяйственные жители держали в сараях свиней, овец, кур и даже коров. Уже спозаранок мы слышали пение петухов. Коровы с пастухом уходили на пастбище за мост на гору, где паслись весь день.

Иногда вечерами мы играли в такую игру: услышав звон бубенчиков и протяжное мычание возвращавшихся коров, выбегали на дорогу их встречать. Пучком травы рисовали зелёную линию на асфальте и следили, переступит ли корова линию или наступит на неё. Если наступала, мы дружно обзывали корову «дурой». Удивляло, что коровы шли домой сами – никто их не сопровождал. Для нас всегда было загадкой, как они находили свой хлев?

Как-то раз случилось, что со стадом шёл старый грузный человек, которого все называли Мульк. Он жил за Бородино, на Второй линии. Линиями назывались следующие четыре улицы в нашем микрорайоне: Первая линия, Вторая линия и так далее. Мульк был одутловатым человеком с надвинутыми на глаза мохнатыми бровями, с вечно приоткрытым ртом на постоянно небритом лице и кепочкой на коротко стриженной голове. Он шёл тяжёлым шагом, опираясь рукой на посох. Когда мы закричали на корову: «Дура-дура!», Мульк погрозил нам посохом, что-то промычал и двинулся в нашу сторону. Вся ватага в страхе разбежалась врассыпную, и мы на долгое время не отваживались встречать стадо.

Мульк ещё сыграет свою плачевную роль в моей жизни, но это случится потом...

Вправо от моста, если стоять спиной к детскому саду, был первый городской кинотеатр (со временем здание переделали в продовольственный магазин). Но я помню тот день, когда пришёл с мамой на дневной сеанс. В первый раз я видел столько людей в одном помещении. Огромное полотно экрана завораживало белизной – я не понимал как на нём будут изображаться действия. Медленное потухание света и погружение в темноту напугали меня, я инстинктивно стал искать мамину руку. Мама погладила меня – «не бойся» прозвучало в её ласке. И вдруг луч яркого света откуда-то сверху, из-за спины, воткнулся в белый экран, и он ожил чёрно-белыми картинками. Весь фильм я не отрываясь смотрел историю любви паромщицы и танкиста, и полтора часа пролетели одним миготом. Просмотр картины оставил в душе неизгладимый след, и поэтому даже смерть паромщицы была мной воспринята как личное горе. Я заметил, что и мама не раз прикладывала носовой платок к глазам...

Влево от моста находилась разрушенная первая цементная фабрика, построенная ещё в далеком девятнадцатом веке. Потом, немного в стороне, теперь вправо от моста, появятся вторая и третья – уже со статусом цементного завода, – но и они будут разрушены; тогда же, в начале шестидесятых двадцатого века, построят новый, четвёртый, завод. От первой фабрики остались на виду три огромные трубы: одна, круглая по диаметру, сразу у моста, другие две – квадратные, чуть в стороне. Ещё высились многоэтажные корпуса, изящно выложенные известковым камнем, но без этажных перекрытий и без крыши, так как со временем деревянные

балки со стропилами сгнили и рухнули внутрь здания, где по истечении времени превратились в труху. Там же, перед разрушенными корпусами фабрики, под спуском от моста, в низине, ютились несколько жилых домов. Сам мост был оборудован механическими затворами для регулирования потока воды – наподобие некой дамбы или плотины. Спокойное течение реки перед мостом превращалось за мостом в грохочущий водопад. Шум низвергающейся воды был слышен далеко окрест, и мы удивлялись, как могут в таком грохоте жить люди. Понимание, что человек ко всему привыкает, пришло намного-намного позже.

Рассказывали, что перед мостом кажущаяся неподвижность воды на глубине таит множество водоворотов, способных засосать человека. В стародавние времена здесь произошла трагедия, когда утонул молодой и сильный пловец, согласившийся на спор нырнуть в тихую заводь. Тело смогли вытащить только через несколько дней. Для этого вызвали водолаза и открыли затвор, чтобы уменьшить уровень воды в реке. Насколько правдива была эта история – судить не могу, возможно, её рассказали во избежание наших попыток купаться в этом опасном месте...

Напротив квадратных труб находилась деревянная конюшня, сразу за ней – жилые дома с огородами и садами, а также раскинувшийся на большой территории ухоженный парк с заводским клубом и объёмными беседками. На моей памяти беседок в парке было три: одна – напротив детского сада, вторая – в глубине парка (со временем вследствие обветшалости их уничтожили), а третью – у клуба – отреставрировали.

От конюшни парк доходил до здания бывшего заводского управления, где теперь расположился заводской музей. В моё время в нём, кроме музея, на первом этаже размещалась и городская библиотека, а на втором – коммунальная контора городского хозяйства. Здание из известкового плитняка венчала деревянная башня с большими часами, стрелки которых с давних пор показывали одно и то же время – 13:20. Когда я смотрел на эти остановившиеся часы, мне часто припоминались слова мастера-часовщика из радиопьесы «Кремлёвские куранты»: «Люди их сделали, люди их поломали, люди их должны заставить ходить». Возможно, когда-нибудь часы на башне музея и будут починены, только неизвестно, сколько времени должно ещё пройти, чтобы нашёлся такой умелый часовщик.

От музея парк простирался в сторону моря вдоль улицы, где в тени высоких деревьев расположилась католическая церковь, над главными дверями которой высилось скульптурное изображение распятого на кресте Христа. Когда я впервые увидел распятого человека (пусть даже в виде символа), моя душа испытала эмоциональный шок: как могли люди применить такую зверскую пытку к своему же себе подобному существу? Это долго не укладывалось в моей голове. На здании церкви висел колокол, звон которого далеко разносился по Нижнему городу, его слышали даже на нашей улице. Примечательно, что в этой небольшой церкви был смонтирован орган.

Как-то раз с ребятами мы шли на море мимо церкви. Из распахнутых дверей храма доносила музыка. Звуки органа были волшебны и воздушны, их возвышенный накал доходил до самой глубины души. Невольно поражённые, мы робко зашли в храм. Шла какая-то служба, в которой мы ничего не понимали, но музыка – она овладела моим сердцем без остатка. Не помню, воздействовала ли она на ребят так же, как на меня, но для себя я сделал открытие: музыка способна вызвать слёзы. Я даже не заметил, как они навернулись на глаза, пока один из друзей не толкнул меня: пора на выход...

Но парк – это был не наш район. Мы забредали иногда на конюшню, и то с опаской – посмотреть на работяг-лошадей, приписанных к коммунальной конторе. Какую именно работу по городу они выполняли, нам было неизвестно, мы видели их только на очистке отхожих мест

нашей улицы. Лошадь тащила большую крытую повозку, к боку которой был прикреплён длинный шест с черпаком. От заполненной нечистотами повозки разило неприятными запахами, но это не мешало нам каждый раз провожать до невидимой границы нашей территории и усталую лошадь, и возницу. В конюшне над каждым стойлом висела табличка с кличкой животного. Когда савраску выпрягали из повозки, она сама покорно шла в стойло, обозначенное именно её именем. Конюх только посмеивался на наши удивлённые вопросы:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.